

ВВЕДЕНИЕ

Данное пособие — своеобразный букварь, предназначенный тем, кто только начал изучать философию. Пропедевтический курс предлагает учащимся познакомиться не только с основами терминологии, но и со спецификой философских проблем.

Содержание курса призвано подготовить почву для знакомства с историей европейской мысли. Восточная традиция мысли не затрагивается в пособии, поскольку отечественный философский дискурс, при всём своеобразии, является частью европейского и, соответственно, пользуется терминологической и понятийной системой, восходящей к греческим и латинским концептуальным наработкам.

Структура пособия подчинена принципу: от общего к частному. Большое внимание уделяется рассмотрению самого понятия «философия», как мета-понятию, несущему в себе неисчерпаемое богатство содержания. Далее даётся характеристика основных разделов философии и анализируются базовые понятия. При этом анализ значимых категорий зачастую даётся в исторической перспективе. В текст пособия включены цитаты и выдержки из работ классиков философской мысли и современных исследователей. Это должно позволить учащимся ощутить выразительность и особенности живого философского языка, развитие интереса к которому — одна из главных целей пособия.

ГЛАВА I ФИЛОСОФИЯ, КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ

Во все времена и везде, философия – это язык, на котором расшифровываются свидетельства сознания.

Мераб Мамардашвили

Изучать философию и просто, и сложно. Просто, потому что для этого не требуется ни специальных приборов, ни лабораторий, ни дорогостоящей техники. Все, что нужно для её изучения – это тексты. В наш век электронных носителей и виртуальных сетей всякий текст становится доступным не только в силу всеобщей грамотности, но и потому, что его легко отыскать и размножить. Теперь нам не нужно ходить в библиотеки, сидеть в залах, вдыхая книжную пыль, носить с собой тяжёлые, зачитанные тома. Где бы мы ни были, достаточно нажать несколько кнопок, чтобы вступить в общение с мыслями и образами, созданным для нас другими людьми. Тексты окружают нас всюду, их прочтение стало для нас таким же привычным, как устная речь.

И все-таки философия считается сложным предметом. И сложность её в том, что язык философских текстов особенный, он понятен не сразу. Дело даже не в том, что в философских сочинениях встречаются особенные слова и специальные термины, значение которых не понятно, а в том, что многие слова, которые кажутся ясными, неожиданно обнаруживают неизвестные значения и наполняются новыми озадачивающими смыслами. Язык для философии не просто средство или инструмент, но место её обитания. Философский язык – это место пребывания мысли: дом, который каждый крупный философ слегка перестраивает, находя новые применения старым конструкциям, добавляя необходимые ему элементы, а порой, разбирая обветшавшие опоры и устаревший декор. Язык философии, таким образом, не существует как законченная и объективная данность, он реализуется во множестве авторских вариантов и продолжает переосмысливаться и развиваться.

Так что, прежде чем изучать философские тексты, следует попытаться понять особенности языка, на котором они написаны,

его принципы, а также освоить хотя бы некоторую часть его специфических элементов.

1.1. ФИЛОСОФСКИЙ ТЕКСТ

*....Расплести по нитке тряпицу текста.
Разложить по цветам, улавливая оттенки.
Затем объяснить, какой окрашена краской
каждая нитка.*

Лев Лосев

Слово «текст» происходит от латинского *textus* — «ткань», «строение».

Ткань — это то, что обладает плотностью и фактурой, её называют материалом, материей, её щупают, чтобы оценить качество.

Но, главное, ткань — это порядок плетения нитей, наделённый устойчивостью и прочностью. Так же и текст — это упорядоченная и зафиксированная речь.

ТЕКСТ

Это словесная ткань, получившая завершённую форму. В идеале — форму, которую нельзя изменить, не нарушив гармонию. Качественный текст обладает «прочностью», он не допускает того, чтобы из него вырывали куски или ставили заплатки. В этом отношении образцом является классический поэтический текст, из которого нельзя убрать слово или даже заменить синонимом.

Хороший текст обладает свойствами цельности и связности — *когезии* (от латинского *cohaesus* — «связанный», «сцепленный»).

Что ещё объединяет текст и ткань?

Тексты, как и ткани, бывают разных видов. Поэтический текст, как правило, выстроен в столбик, в драматургическом преобладают диалоги, художественная проза сочетает речь автора с диалогами, деловой текст членится на параграфы, содержит диаграммы и таблицы, научный имеет вид «плотного кирпича», в него могут быть вставлены формулы. Но, внешние признаки не являются надёжными. Стиль изложения позволяет с большей точностью классифицировать текст как художественный, научный или публицистический. Опознанию служат обороты речи, наличие или отсутствие специальных терминов, характер устойчивых выражений.

Но можно ли классифицировать философский текст по стилю, по характеру используемых слов и выражений?

Большинство исследователей сходятся в том, что философский текст не имеет чётких стилистических отличий. Публицистический, научный тексты узнаются по фрагменту. Чтобы классифицировать текст, как философский, его желательно прочитать целиком. Или, во всяком случае, вникнуть в смысл — оживить.

Философский в процессе вдумчивого прочтения становится живой речью: речью, соединённой с мыслью. Воссозданием или «исполнением» называл понимающее чтение философских текстов русский мыслитель, Мераб Мамардашвили. Тексты напечатанные на бумаге или сохранённые на электронных носителях — это только возможность философии, а реальная философия — это то, что мыслится людьми, то, что происходит в их сознании, когда они читают, анализируют или создают сами высказывают идеи. Восприятие философского текста предполагает не просто понимание, но диалог: со-мыслие.

Каждое прочтение философского текста (также, как и художественного) — это уникальное воспроизведение заключённого в нем смысла. Смысл уникален, как и человек — создатель и носитель смыслов.

Смысл — это и есть со-мысль: встреча, соединение нашей мысли с мыслью другого или с явлением, в котором мы уловили его «замысел», он вспыхивает в сознании, когда человек чем-то озабочен, захвачен: будь то событие, встреча или слова собеседника. Смысл может быть вложен в произведение изобразительного искусства и в музыкальную пьесу, но самым

СМЫСЛ, ДИСКУРС, РАССУЖДЕНИЕ

естественным образом он обнаруживает себя в слове. Однако, даже слова не передают всех оттенков, потаённых звуков и запахов смысла. Философия, с помощью отвлечённых слов-понятий намечает общий контур идей, внутри которого остаётся довольно пространства для их уникального переживания.

Взаимодействие мысли и речи называется **дискурсом**. Дискурс занимает как бы срединную позицию. Это, во-первых, середина между речью, как стихией человеческого самовыражения и строго организованным логическим рассуждением, а во-вторых, некое промежуточное состояние между свободой и потаённостью внутреннего плана мысли и полной завершенностью текста. В настоящее время понятие дискурса является достаточно распро-

странённым. Оно имеет свои варианты толкования и использования в лингвистике, социологии, политологии, философии. В русской гуманитарной науке понятие дискурса начало активно использоваться только с последней трети XX века.

При этом слово «дискурс» имеет длинную историю. Оно происходит от греческого корня, означавшего «путь». Уже у греков оно обозначало также рассказ, указывая таким образом на его способность стремиться к цели. В этом значении оно перешло в латинский язык, где стало обозначать речь, а позднее оттуда попало во французский. Французское *discourse* — означает «рассуждение» или «рассуждающая речь». С XVII века это слово начало использоваться французскими философами — в частности Рене Декартом. Он использовал его в названии своей главной работы «Рассуждение о методе» (*Discours de la Méthode*). Что же такое «рассуждающая речь» и чем она отличается от всякой другой? Пожалуй, главное её отличие в том, что она связана с рассудком. Такой ответ, однако, вызывает вопрос о рассудке.

Рассудок, по определению основателя психологии Вильгельма Вундта (1832–1920), — это часть души, которая обладает способностью мыслить предметы и их связи посредством понятий. Близок этому взгляду и Иммануил Кант (1724–1804), говорящий о том, что рассудок — это способность образования понятий суждений и правил. Так или иначе, рассудок связан с абстрактным мышлением, а «рассуждающая речь» содержит в качестве узловых моментов отвлечённые *понятия*.

АНАЛИЗ ОПРЕДЕЛЕНИЙ ПОНЯТИЯ

На понятии «понятие» мы остановимся подробнее, ввиду его чрезвычайной важности для философии и её понимания.

С первого взгляда понятие это представляется довольно ясным, но, если о нем задуматься, то оно оказывается вещью фантастически сложной. О сложности говорит разнообразие его определений, которое можно найти в словарях и энциклопедиях.

Так, Д. П. Горский в философской энциклопедии 1983 года говорит, что **понятие** — это мысль, отражающая в обобщённой форме предметы и явления действительности и связи между ними посредством фиксации общих и специфических признаков, в качестве которых выступают свойства предметов и явлений и отношения между ними.

Определение из энциклопедического словаря 2004 года говорит, что **понятие** — *общее имя с относительно ясным содержанием и сравнительно чётко очерченным объёмом.*

И наконец, более раннее определение, взятое из философской энциклопедии, вышедшей в 60-70-х годах утверждает, что **понятие** — *узловая форма движения мысли, отражающая конкретно-всеобщую природу определенного круга (рода) явлений.*

Три определения и три определяющих слова. Где же истина? Как часто случается в философии, правы все, но, с оговорками.

Определение данное Д. П. Горским отличается тяжеловесностью. Можно попытаться его облегчить. И предметы, и связи могут рассматриваться как явления, признаки и свойства так же можно объединить, поскольку свойства открываются как признаки. Получаем: **понятие** — *это мысль, отражающая в обобщённой форме явления действительности посредством фиксации их существенных признаков.* Все достаточно ясно, но представить себе понятие, исходя из этого определения, довольно сложно. Отражать в обобщённой форме явления — универсальная способность мысли. Возможности памяти ограничены, поэтому мышление все время занято упрощением и обобщением. Даже конкретный предмет мы мыслим (вспоминаем), отбрасывая несущественные признаки. Но отражает ли понятие конкретное явление или предмет?

Если обратиться к определению 2004 года (*общее имя с относительно ясным содержанием и сравнительно чётко очерченным объёмом*) становится ясно, что нет. Потому что общее имя или *имя нарицательное*, отличается от имени собственного тем, что именуется обобщённое представление о явлении или класс явлений. Это определение позволяет легко отыскать пример понятий: «дом», «кот», «красота», «вектор». Но является ли понятие именем, то есть словом? Если бы в нашем языке, как в языке древних греков, «слово» обозначало не только фонему, но и её значение и смысл, мы могли бы с этим согласиться. Но для нас слово — это в большей степени «внешняя форма». Тут мы подходим к третьему определению — через представление о форме: (...узловая форма движения мысли, отражающая конкретно-всеобщую природу определенного круга (рода) явлений). Формулировки «форма движения» и «конкретно-всеобщая» выдают влияние марксистской философии. Если их отбросить, то получим узловую форму существования мысли, отражающую общий тип определенного круга (рода) явлений. Сложным кажется только уяснение того, что такое форма существования мысли.

Каждое из определений содержит полезные сведения, но не вполне точные или недостаточные. И мы можем попытаться на их основе создать своё определение.

КОНСТРУИРОВАНИЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Для этого следует представлять, что значит, определить понятие. Это значит дать краткое и точное описание образца того самого «типа» явлений, которые им обобщаются. При этом сначала следует указать разряд или класс явлений, к которому относится этот «идеальный» (существующий в мысли) тип, а затем перечислить признаки необходимые и достаточные для того, чтобы он не пересекался с другими явлениями того же класса.

Слово «определение» недаром происходит от слова «предел». Определение проводит границы между классами явлений, выявляя необходимые и достаточные признаки типа явлений, соответствующих данному классу.

Начнём с того, что понятие относится к разряду «мыслимых сущностей», то есть составляет элемент мышления. Но в чем его отличия? Известно, что понятие отражает некий «общий тип», объединяющий явления. Понятие «лошадь» объединяет представления о животных данного вида. У нас как бы есть представление о «лошади вообще». Но при этом вообразить «лошадь вообще» мы не можем: образное мышление рисует облик существа с определенным окрасом и пропорциями. Воображаемая лошадь будет иметь определенные пропорции и окрас. То есть, мысль о «лошади вообще» не может быть образной, она является рассуждающей — дискурсивной.

Итак, о понятии нам известно, что оно является элементом рассуждающего мышления. При этом оно содержит обобщённую информацию о существенных признаках класса явлений и обнаруживает себя как имя нарицательное.

В итоге: **понятие** — это элемент дискурсивного мышления, обобщающий представления об определенном классе явлений и имеющий форму имени нарицательного.

СОДЕРЖАНИЕ И ОБЪЕМ ПОНЯТИЯ

Определение понятия прокладывает путь к его пониманию. Однако философия располагает и другими исследовательскими подходами. В частности, ассоциативным.

Так с чем же ассоциируется понятие? Какой ряд слов выстраивается вокруг него? «Форма, содержание, содержит в себе, объединяет, обобщает...». Возникает ассоциация с ёмкостью, резервуаром. И действительно, подобно физической ёмкости понятие имеет объем и содержание.

Поскольку понятие — ёмкость не физическая, а идеальная, оно имеет ряд особенностей. Во-первых, содержание понятия вынесено на поверхность, а объем спрятан внутри, во-вторых, чем меньше у понятия объем, тем более развёрнутым будет содержание. Они находятся в обратной зависимости, что для обычных ёмкостей отнюдь не характерно. Дело в том, что объем понятия — это количество явлений, которые оно объединяет, а содержание — это их словесная «маркировка». Чем более краткой является словесная характеристика, тем, как правило, шире круг обобщённых явлений. Например, понятие «стол» маркируется одним коротеньким словом, но вмещает в себя все столы мира. А вот понятие «ломберный столик красного дерева в стиле ампир» имеет развёрнутое содержание, но круг предметов, которые оно обобщает, значительно уже.

Если говорить предельно просто, содержание — это вербальная («говоримая», словесная) сторона понятия, его «внешняя форма», а объем — мыслимая сторона, внутренняя. При этом рассуждения о мыслимой стороне понятия принято называть определением содержания. Поскольку любое рассуждение представляет собой вербализацию — перевод внутреннего «мыслимого объёма» на уровень словесного описания. Мысль, заключённая в понятии, сама по себе остаётся невидимой, неуловимой и её исследование возможно только через обнаружение в слове.

Игры объёма и содержания отличают понятия собирающие воедино ряд конкретных явлений — существ или предметов. Например «лошадь» или «стол» — и лошади и столы встречаются в мире конкретных явлений. Но существуют и такие понятия, которые выражают нечто «изначально обобщённое». Например, «красота», «справедливость», «благо». Они не встречаются как конкретные явления, а только проявляются в них. Мы не можем сказать: «это — красота», а только «эта девушка (картина, лошадь, чашка...) красивая», то есть в ней присутствует или проявляется красота, мы можем сказать: «это — справедливый поступок», но не: «это — справедливость». Такие понятия обладают постоянной высокой степенью обобщённости и иногда обозначаются особым термином — универсалии (от лат. *universalis* — всеобщий).

Повышенной устойчивостью обладают также понятия, выражающие те или иные закономерности. Это научные понятия. Их словесная форма имеет особое название — **термин**.

ТЕРМИН

Слово «термин» происходит от латинского *terminus* — предел, граница. Термины, относящиеся к той или иной науке, находятся в сложных отношениях друг с другом — образуют структуру, которая называется *терминологией*.

Термины призваны прокладывать чёткие границы между понятиями. При этом термин так тесно срастается со своим значением: можно сказать, что термин рождается вместе с новым значением, его появление говорит о факте приращения научного знания. Поэтому термины редко переводятся на другие языки — чаще они переходят в них вместе со своим значением. По традиции учёные используют для создания терминологии латынь. Из неё, как мы видим, взято и само слово «термин».

Ещё одна причина «интернациональности» терминологии — это то, что при переводе (и в этом состоят его трудности) смысл слова часто смещается и понятие изменяет своё содержание. Это касается в первую очередь понятий, отражающих сложные явления: человеческие отношения, политические реалии и иные не чётко обозначенные в окружающей действительности вещи. Можно сказать, что понятия, описанные одним языком, не полностью соответствуют понятиям другого языка. Так что при переводе часто приходится обходиться примерным аналогом. Зато каждый язык выражает явления окружающего мира своим, не доступным другим языкам способом.

Так или иначе, научные термины стремятся к максимальной точности, однозначности и устойчивости, приближаясь в этом к математическим знакам.

Но выражаются ли философские понятия терминами? Формально — да. Бытует выражение «философская терминология». Философские термины также стремятся к однозначности и устойчивости. В отдельные периоды у философов даже возникали планы создания терминологии, которая по точности приблизила бы философию к математике. Однако попытки осуществления этого плана каждый раз заканчивались неудачей. Философские термины так и остаются самыми неоднозначными, а границы, которые они прокладывают, постоянно смещаются. Объем философских понятий не то, чтобы расширяется или сужается, скорее, он углубляется.

Каждый философский термин указывает путь в глубины смысла. Если научные термины приближаются к математическим знакам, то философские родственны художественным символам.

Часто «путеводной нитью», позволяющей не сбиться с курса при рассмотрении философских понятий, служит этимологический анализ. И мы можем это проиллюстрировать опять-таки на примере понятия.

КОНЦЕПТ

Согласно этимологическому словарю слово «понятие» «...происходит от глагола *понять*, далее от *иметь*, из православного *jьmъ : jęti, от которого в числе прочего произошли: древнерусское, старославянское *имѣти*, *имамъ*, а также *възѣти*, *възмѣ*. Отсюда *взять*, *снять*, *изъять* и др. приставочные глаголы на *-нять/-ять* (-емлю)»¹

То есть «понятие» этимологически родственно словам «принять», «взять», «поймать» и «ёмкость». Характерно, что в XVI–XVII веках оно обозначало также вступление в брак. В философском языке слово «понятие» начало использоваться только с XIX века. В начале же XIX века его одновременно использовали и как кальку французского разговорного *concept* (представление) и как кальку немецкого философского термина *Konzept* (понятие). Оба слова восходят к латинскому *conceptus*, которое означало «схватывание», «зачатие» (однокоренные слова: перцепция и контрацепция) и «замысел». Последнее значение определило использование этого слова в философии.

Как видим, круг значений латинского «концептуса» и русского «понятия» пересекается, что и позволило не заимствовать латинский термин, а создать аналог. Очевидно, и у древних латинян, и у древних славян возникает одно и то же ощущение: знание, мысль — это то, что схватывается и присваивается.

Понятое — это усвоенное, присвоенное, то, что принадлежит человеку и неотъемлемо от него. Интересно, что и в древнееврейском языке познание и обладание обозначалось одним и тем же словом. След этого заметен в церковнославянском переводе Библии — в ветхозаветном выражении «он познал её» в значении «он ей обладал». Можно заметить, что знание и обладание, понимание и любовь в представлении наших предков были неразделимы.

¹ <https://ru.wiktionary.org/wiki/%D0%BF%D0%BE%D0%BD%D1%8F%D1%82%D0%B8%D0%B5>

В настоящее время в отечественном философском дискурсе используется как «понятие», так и «концепт». И эти термины не являются полностью синонимичными: концепт представляет собой несколько иное понятие, более специфичное. В современном дискурсе оно, как правило, означает собственно философское понятие, смысл которого может углубляться в процессе проработки. Можно сказать, что концепт — это понятие включённое в философский дискурс и подвергнувшееся существенному переосмыслению. Оно является одновременно и инструментом понимания мира и предметом философского творчества: понимание мира и самого себя углубляется в процессе работы над концептом.

Как правило в системе взглядов философа выделяются один или несколько базовых концептов. Например: «идея» в системе Платона, «феномен» «ноэма», «интенциональность» у Гуссерля, «монада» у Лейбница, «жизненный порыв» у Бергсона, «воля» у Шопенгауэра. Концепт в значительной степени является авторским. При этом из приведённого ряда видно, что для выражения базового концепта мыслителем может быть взято уже бытовавшее в философии слово: «феномен», обиходные слова языка: «порыв», «воля», а может быть создан новый термин — «ноэма» (от греч. *νόημα* — мысль, мысленный). Но, в любом случае, выступая в роли авторского философского концепта, понятие получает новую проработку, наполняется новыми оттенками смысла. При этом его содержание может расширяться или сдвигаться и процесс раскрытия нового содержания приводит к включению в ткань рассуждения ряда вспомогательных концептов, так что образуется некое концептуальное поле или план. Единство концептов и концептуально-горизонта или плана и составляет то, что называется *концепцией*.

Концепты не только служат «внутрифилософским» задачам, но и являются инструментами воздействия философии на культуру, то есть на жизнь общества. Даже не осознавая того, мы воспринимаем платонизм через понятие «идея» и гегельянство через понятие «развитие», и в самом употреблении нами слов «культура» и «цивилизация» угадывается влияние Шпенглера, даже если мы ничего не знаем о нём.

Концепт, таким образом, обладает определенной гибкостью и способностью переходить из философского дискурса в общественный и политический, оказывая таким образом, влияние на культуру и историю. Но, кроме этого «подвижного» вида понятий в философии можно найти и другую их разновидность, во многом противоположную. Это — *категории*.

В настоящее время понятие «категория» менее актуально, нежели «концепт», но для понимания некоторых проблем и моментов в истории философии оно необходимо. Слово «категория» (*κατηγορία*) было введено в философский дискурс Аристотелем (384–322 до н. э.). Первоначальное его значение: «высказывание, обвинение», оно использовалось в судебной практике. Аристотель использует это слово для обозначения понятий высокой степени обобщения, необходимых для описания всех явлений действительности. Слово «категория» должно было подчеркнуть «неоспоримость» и обязательность этих понятий. Аристотель обнаружил их 10: «сущность», «количество», «качество», «отношение», «пространство», «время», «состояние», «действие», «обладание» и «претерпение».

Аристотель выделил в качестве категорий понятия, которые необходимы для рационального осмысления явлений окружающего мира, отражающие наиболее существенные связи явлений. Долгое время категории Аристотеля служили ориентиром для философов, активное их обсуждение велось в средневековой философии. Однако, попытка радикального пересмотра списка предпринимается только в XVIII веке. Новую систему категорий предложил Иммануил Кант (1724–1804). Им был составлен список из 12 базовых понятий. Большое внимание уделял разработке системы категорий Гегель, который придавал большое значение работе с понятиями. Им были выделены 21 категория, из которых девять переставляли собой «несущий каркас»: качество, количество, мера, сущее, явление, действительность, субъект, объект, идея.

КАТЕГОРИИ

Категории, в отличие от концептов, стремятся к объективности, они связаны с логикой и теорией познания. Кроме того, категориями могут называться базовые понятия отдельных разделов философии: категории этики и эстетики. Это также фундаментальные понятия, которые сохраняют свою актуальность на протяжении долгого времени.

В заключение разговора о философских понятиях нельзя не упомянуть ещё один термин, использовавшийся для их обозначения: универсалия. Слово происходит от латинского «*universalis*», — «всеобщий». В современном философском дискурсе мы не встретим это слово. Но оно составляет часть истории. В западной философии Средних веков — схоластике, природе универсалий,

уделялось много внимания. И хотя термин является архаичным, не исключена вероятность того, что он окажется востребованным в будущем.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ:

1. Какие определяющие слова используются в определениях понятия? В чем их общность и отличие?
2. Какие операции необходимы для того, чтобы дать определение тому или иному понятию?
3. Что такое содержание и объём понятия? В каких отношениях они находятся?
4. Какие понятия имеют устойчивый объём?
5. Что такое термин? Чем он отличается от понятия?
6. В чем специфика философской терминологии?
7. Какова этимология слов «понятие» и «концепт»?
8. В чем специфичность понятия «концепт»? Какова роль концептов в философии?
9. Кто ввёл в философский дискурс понятие «категория»? Чем категория отличается от концепта?

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРИМЕР ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ

Возьмём понятие «стул». Сначала определим под какое более широкое понятие оно подпадает. Это — «мебель». Далее находим существенный признак (он часто связан с назначением): «предназначен для сидения». Так мы выделили подкласс предметов мебели. Теперь отграничиваем от других предметов данного подкласса (диван, лавка, табурет, кресло). Стул отличается от дивана и скамьи тем, что на нем сидит один человек, от табурета тем, что имеет спинку, от кресла тем, что не имеет подлокотников. Получаем: *стул — предмет мебели предназначенный для сидения одного человека, имеющий спинку и не имеющий подлокотников.*

У стула есть другие признаки (цвет, материал, особенности формы), но они не существенны, то есть, не влияют на его «способность быть стулом».

П. ФЛОРЕНСКИЙ О ТЕРМИНЕ

Когда мы стоим, то непрерывно падаем, то в одну сторону, то в другую. И напряженный мускул, и стоящий человек, действуют, усиливаются, живут.

Так и термин. Недвижно стоящий пред мыслию, он есть живое усилие мысли, наибольшее обнаружение её напряжённости. И чем неподвижнее термин, тем отчётливее и твёрже стоит он пред сознанием, тем большая требуется жизнь мысли. История термина есть ряд творческих усилий мысли, наслояющей себе вокруг основного ядра все новые препятствия, чтобы, сконцентрировав себя, приобрести новую силу и новую свободу.

НИЦШЕ О КОНЦЕПТАХ

Философы должны не просто принимать данные им концепты, чтобы чистить их и наводить на них лоск; следует прежде всего самим их производить, творить, утверждать и убеждать людей ими пользоваться. До сих пор, в общем и целом, каждый доверял своим концептам, словно это волшебное приданое, полученное из столь же волшебного мира.

Ж. ДЕЛЁЗ И Ф. ГВАТТАРИ О КОНЦЕПТАХ И ПЛАНЕ

Концепты напоминают архипелаг островов или же костяк — скорее позвоночный столб, чем черепную коробку, — тогда как план подобен дыханию, овевающему эти изолированные островки. Концепты — это абсолютные поверхности или объёмы, неправильные по форме и фрагментарные по структуре, тогда как план представляет собой абсолютную беспредельность и бесформенность, которая не есть ни поверхность ни объем, но всегда фрактальна. Концепты суть события, а план — горизонт событий...

1.2. ФИЛОСОФИЯ: ИМЯ И ОЧЕРТАНИЯ

Смысл философии в том, чтобы начать с самого очевидного, а закончить самым парадоксальным.

Бертран Рассел

В предыдущей главе мы выяснили, что философия как объект изучения представляет собой корпус текстов, а как предмет, в который мы углубились, поток рассуждающей речи, то есть — дискурс. Так же мы выяснили, что узловыми, «стягивающими» элементами дискурса являются понятия. С какого же понятия следует

начать изучение философии? Очевидно, что с центрального и определяющего, то есть с понятия «философия». Оно покрывает собой все проявления и особенности соответствующей духовной деятельности и обладает высочайшей концентрацией смысла.

Рассмотрение этого «мега-понятия» мы начнём со слова, которым оно «маркируется». Является ли это слово термином? Пожалуй, нет. Оно не включено в терминологическую систему, но возвышается над ней, занимая особый *мета-уровень*. Правильнее было бы считать слово «философия» именем. Уже в его происхождении и исходных значениях, если внимательно взглянуть, раскрываются важные черты именуемого явления.

СОФИЯ И ФИЛЕО

Прежде всего следует отметить, что слово «философия» имеет греческое происхождение. Оно было «сконструировано» и введено в обращение древними греками в VI веке до н. э.

В России в начале XVIII века делалась попытка ввести в обращение слово «любомудрие», которое служит его переводом — «калькой», греческого «философия». Но русский вариант так и не прижился. Возможно потому, что аналог не вполне точно передавал значение «первоисточника».

Существует распространённая версия, согласно которой первым назвал себя философом мыслитель и математик Пифагор (прибл. 580–500 гг. до н. э.). Легенда об этом дошла до нас в двух изложениях: Диодора Сицилийского, жившего в I веке до н. э. и Диогена Лаэртского (рубеж II и III веков н. э.).

Истинность этой истории сомнительна. Личность Пифагора является «полулегендарной» и в историях о нем трудно отделить правду от вымысла. Но, из дошедшего до нас рассказа, о скромном Пифагоре, отказавшемся называться мудрецом и назвавшим себя любомудром, можно сделать выводы о том, как древние греки понимали мудрость.

Интересно, что мудрость воспринимается Пифагором как что-то внешнее, к чему можно испытывать «влечение». Греческое понятие софия (*σοφία*) по происхождению не ясно. Нет аналогии его корня в греческом языке. В «обиходной речи», а именно оттуда слово перешло в философию, оно означало высшую степень какого-то умения или знания — эталон «владения ремеслом или искусством». Такое значение просматривается, в частности, в сочинениях

Гомера (по С. Бородаю). С точки зрения занятий, направленных на приобретение знаний, софия оказывается высшей степенью владения знаниями или просто «совершенным знанием». Такое значение слова утверждается в древнегреческой философии. Это несколько отличается от нашего «мудрость». Мудрость теснее связана с житейской практикой и «здравым смыслом», она не так «высоко парит». Можно сказать, что с греческого «софия» точнее переводится как «премудрость». Вот только слово «премудрость» у нас часто имеет иронический окрас.

Греческая «философская софия», пользуясь выражением В. Н. Топорова — это «выход за пределы простой целесообразности в сферу смысловой полноты, истины и творчества»². У последнего крупного представителя греческой мысли, Прокла «истинная *σοφία* есть знание самой себя, и *σοφία* самой себя, направленная на самое себя и самой себе придающая совершенство»³.

Поскольку софия — это самодостаточное законченное совершенство, нельзя обладать ей частично.

Самодостаточность предполагает независимость. Божество у греков может обладать мудростью, но мудрость не создаётся. К жрецам и оракулам греки обращались по конкретным вопросам, а знания в целом приобретались ими в светских школах. К мудрости вели не мистический опыт, а размышления и общение с думающими людьми. В то же время, некоторым греческим философам мудрость представлялась божественной, а в сочинениях позднеантичных мистиков она предстаёт как духовное существо — София. Через много веков этот образ возрождается в русской религиозной философии — у Владимира Соловьёва и некоторых его последователей. Причём в понимании Соловьёва София олицетворяет не только мудрость, но и любовь, являясь как образ Вечной Женственности.

Постепенно мы подошли ко второй составляющей слова «философия»: любви. Правда, древнегреческое *φιλία* опять-таки не совсем то же, что наше «любовь». Хотя бы потому, что одному нашему понятию у греков соответствовало четыре. Строге — любовь-привязанность, агапе — любовь к тому, кто нуждается в заботе, эрос — любовь-страсть, и, наконец, филео — любовь-дружба. В

² Топоров Н. В. Еще раз о др.-греч. ΣΟΦΙΑ: происхождение слова и его внутренний смысл. *Εἶναι. Σοφὸν τὸ σαφές*. № 1/2 (3/4), т. 2, 2013. — с. 466.

³ Цит. по ук. соч. — с. 462.

отличие от эроса-страсти, она не могла быть «безумной» и «слепой». Филео — любовь понимающая и осознающая.

Греческое «философия», таким образом, означает осознанное и разумное устремление к мудрости, как к совершенному знанию и уму.

В середине первого тысячелетия до нашей эры, философия зарождалась не только Греции. Интеллектуальная проработка мировоззрения начинается в этот период в Китае, в Индии и на Ближнем Востоке. Но, ни у древних индусов, ни у представителей китайской интеллектуальной элиты не возникает слово или понятие аналогичное греческому «философия». Там были слова «мудрость», «знание», «учённость», там описывались мистические прозрения и возникали оригинальные объяснения мира и общества. Но там не было попыток объяснения самого объяснения — интеллектуальной рефлексии.

И только древние греки попытались обратить разум к изучению самого разума. Конечно, круг их тем и интересов не ограничивается проблемами познания. Греческие философы касались разнообразных вопросов, многие из которых роднят их с Востоком: Китаем и Индией. Но, поворот мысли к самой себе — «поворот глаз души», пользуясь выражением Платона, определил своеобразие античной, а в дальнейшем западной философии.

Философская рефлексия: осознание себя в качестве мыслящего существа и собственной мысли в качестве объекта мысли — это завоевание греческой культуры, которое в дальнейшем, в Новое Время, создало условия для формирования научных методов и дало толчок развитию наук о человеке и о природе.

Рассмотрев, имя философии мы смогли ощутить тот импульс, который содержался в нём первоначально. Однако, этого недостаточно для понимания её сегодня. Впрочем, задача определения философии настолько сложна, что претендовать на её окончательное решение не позволяют себе даже крупные мыслители. Можно сказать, что чем серьёзнее философ, тем больше он видит в ней измерений и тем сложнее для него ответ на вопрос: «Что такое философия?».

ОЧЕРТАНИЯ И ГРАНИЦЫ ФИЛОСОФИИ

Стремление к самопознанию — отличительная черта философии. Начав с неё, мы можем попытаться очертить её границы.

Чтобы найти определяющие рубежи, надо понять — с чем же граничит явление, к какому классу оно принадлежит?

Очевидно, что философия принадлежит культуре, как области человеческой деятельности. То есть её следует отграничить от других, близких ей по масштабу, явлений культуры. А их мы находим не так уж много — это наука, искусство и религия.

Трудность состоит в том, что каждое из этих явлений настолько «своеобычно», что у них сложно найти общие черты. Наука и искусство, наука и религия, представляются нам едва ли не враждебными полюсами.

Однако, если вспомнить время зарождения философии, то можно заметить, что тогда все было иначе. Достаточно вспомнить греческих муз, олицетворявших искусства. Среди них мы находим покровительниц астрономии и истории — Уранию и Клио. А вот музы живописи, ваяния и зодчества отсутствуют. Эта деятельность у древних греков относилось к области «технэ» — техники и ремесла.

У философа Пифагора и его учеников музыка, астрономия и математика стояли в одном ряду. И, кроме того, все эти занятия считались философскими — приближающими к мудрости. Аристотель сделал первую попытку классифицировать знания, относящиеся к философии. Они поделил их на три разряда:

- теоретическое знание, к которому относились «первая философия» (учение первоначалах материального мира и о Боге), физика и математика;
- практические знания: этика и вопросы управления;
- поэтические знания: риторика и поэтика (сейчас мы навали бы это теорией искусства).

Логику он не счёл самостоятельным видом знания, но только «инструментом». В целом философию Аристотель сближал с «музыкальными занятиями» — искусствами, и противопоставлял области «техне».

Наука также, как и музыка, не имела тогда выхода в сферу «практически полезного». Страсть к знаниям рассматривалась как внутренняя потребность человека, а её удовлетворение было роскошью, которую могли позволить себе не многие.

Средние века вслед за Античностью не проводили существенного различия между искусствами и науками. Провансальские трубадуры называли поэзию «весёлой наукой», а первая ступень университетского образования основывалась на изучении

«семи свободных искусств» — *septem artēs liberālēs*. Впрочем, иногда они именовались и *doctrinae liberales* — свободные науки. Во всяком случае, в их число на равных входили грамматика, практическая риторика, диалектика, арифметика, геометрия и музыка.

В эпоху Возрождения между искусством, наукой, философией, мистикой также не было жёстких границ. Это были тесно связанные друг с другом формы духовности, направленные на формирование интеллектуально развитой личности. Синкретизм (от греч. *συνκρητισμός* — нерасчленённость, нерасторжимый союз) культуры того времени способствовал универсализму. Образованный человек мог совмещать в себе учёного, мистика, поэта и философа. Однако, с XVII века начинается преодоление синкретизма. Границы между видами духовной деятельности становятся более отчётливыми. Религия и наука, которые в средние века составляли прочный тандем не только отдаляются друг от друга, но порой переходят к конфронтации. Кроме того, в XVII веке впервые высказывается мысль о том, что систематичное изучение природы, может приносить практическую пользу и даже выгоду.

Несколько дольше продержалось единство науки и философии — почти до конца XVIII века. Философия в начале Нового времени имеет статус науки и в то же время служит мостом, между рациональным знанием и верой. Метафизические вопросы, в том числе вопрос о бытии Бога и проблема его «оправдания», соседствуют в творчестве Декарта и Лейбница с решением проблем физики и математики, Беркли и Мальбранш совмещали занятия философией и священническое служение.

Только эпоха Просвещения прокладывает твёрдые границы между верой, наукой и философией: философия сближается с идеологией и литературным творчеством, религия помещается в тесные пределы храма, наука наделяется миссией преобразования мира и устремляется навстречу технике.

Сейчас говорить о непрактичности и бесполезности науки не приходится. А что же с философией?

Польза философии начала ставится под сомнение в конце XVIII. Иммануил Кант (1724–1804) показал, что философские методы (отвлечённое или спекулятивное мышление, дедукция) не годятся для доказательства религиозных истин также, как и для исследования явлений природы. Однако, придя к такому выводу, Кант не поставил точку в развитии философии. Напротив, его творчество послужило началом её нового блистательного витка.

О ПОЛЬЗЕ БЕСПОЛЕЗНОГО

Интересно, что некоторые современные мыслители дают философии тоже определение, что Аристотель науке. Так Мераб Мамардашвили (1930–1990), говорит, что философия, подобно искусству, ни для чего не нужна или нужна «сама для себя». А культуролог и философ, Николай Грякалов (1978–2014), когда его спросили, как он для себя определяет философию, ответил: как занятие, не приносящее пользы. Мамардашвили и Грякалов посвятили жизнь тому, что сами считали бесполезным? Или в этом «бесполезном» все же есть смысл?

Здесь хорошо бы вспомнить, что такое польза. Изначально это слово в русском языке значило «выгода, интерес» и даже «нажива, барыш» — определение сугубо материального «приращения». Более высокое значение и статус слово «польза» получило не без участия философии.

В философский дискурс понятие полезности (англ. — *utility*) ввёл английский мыслитель Иеремия Бентам (1748–1832). Полезность для него имела прежде всего общественное измерение — это качество, которым обладают вещи приносящие удовольствие. И наиболее ценным, с точки зрения Бентама, является то, что приносит удовольствие максимальному количеству людей — общепризнанная польза или объективно необходимые блага. Несомненно необходимыми для жизни общества и индивида являются пища, одежда, кров — вещи материальные, к производству которых философия действительно не имеет отношения. Однако идея «общественной полезности», оказавшая и продолжающая оказывать мотивирующее влияние на общественную и экономическую жизнь Англии, Америки, Европы, была высказана и обоснована философом!

Философия, как мы видим, рождает идеи, которые могут придать направление существованию людей. Эти идеи не всегда бывают «полезными», но они представляют собой род интеллектуальной энергии, без которой общество легко может впасть в спячку однообразного и пустого существования. Никакие блага не могут наполнить собою жизнь, если она лишена смысла и цели. Поэтому философия — это забота не только общества, но каждой человеческой души, пытающейся найти направление своей жизни.

Философия постоянно ищет для себя смысл существования, и часто находит его для всех.

Однако, самодостаточность философии признавалась не всегда, иногда от неё отказывались сами философы. Можно вспомнить Средневековье, когда философия объявляла себя «служанкой богословия» – средневековые мыслители находили смысл в служении вере, к которой ближе находилось богословие. Сходной видится позиция позитивистов XIX века, считающих высшим призванием философии – быть «служанкой науки». Марксисты посвятили свою философию политической практике. Однако, все эти добровольные «рабства» были способами реализации свободы, без которой философия не может существовать. Свобода – главное условие творческого мышления. Истины философии не заданы извне: не явлены мистически, не обусловлены природными закономерностями, в чем и состоит их отличие от богословских и научных.

Представление о философии, как о свободном мыслетворчестве сложилось в XIX веке с распространением идей Романтизма. Романтизм актуализировал тему творчества, выявил его ценность, также, как и ценность воображения, мечты – всех форм свободной игры духа. Это позволило Ницше определить философию как «весёлую науку» – науку, которая может себе позволить себе игру и фантазию.

Даже во времена Средневековья деятельность философов, формы их общения, имели в себе что-то от интеллектуальной игры. Эта игра особого рода, которая, оперируя терминами и концептами, ставит себе самые возвышенные и серьёзные цели.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ:

1. Как звучит русское слово, представляющее собой кальку «философии»?
2. Кто, согласно греческой легенде, первым использовал слово «философ»? Чем философ отличается от мудреца?
3. В чем специфичность греческих слов «софия» и «филео»?
4. Что такое философская рефлексия? Какова связь между рефлексией и значением слова «философия»?
5. Почему М. Мамардашвили назвал философию «бесполезной»?
6. Чем отличается ценность от пользы?
7. Что общего у философии с искусством?
8. А что объединяет её с наукой?
9. В чем отличие западной философии от философии Востока? Каковы отношения той и другой с религией?
10. Под влияние какого идеологического направления философия начала восприниматься как свободное «мыслетворчество»?

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru